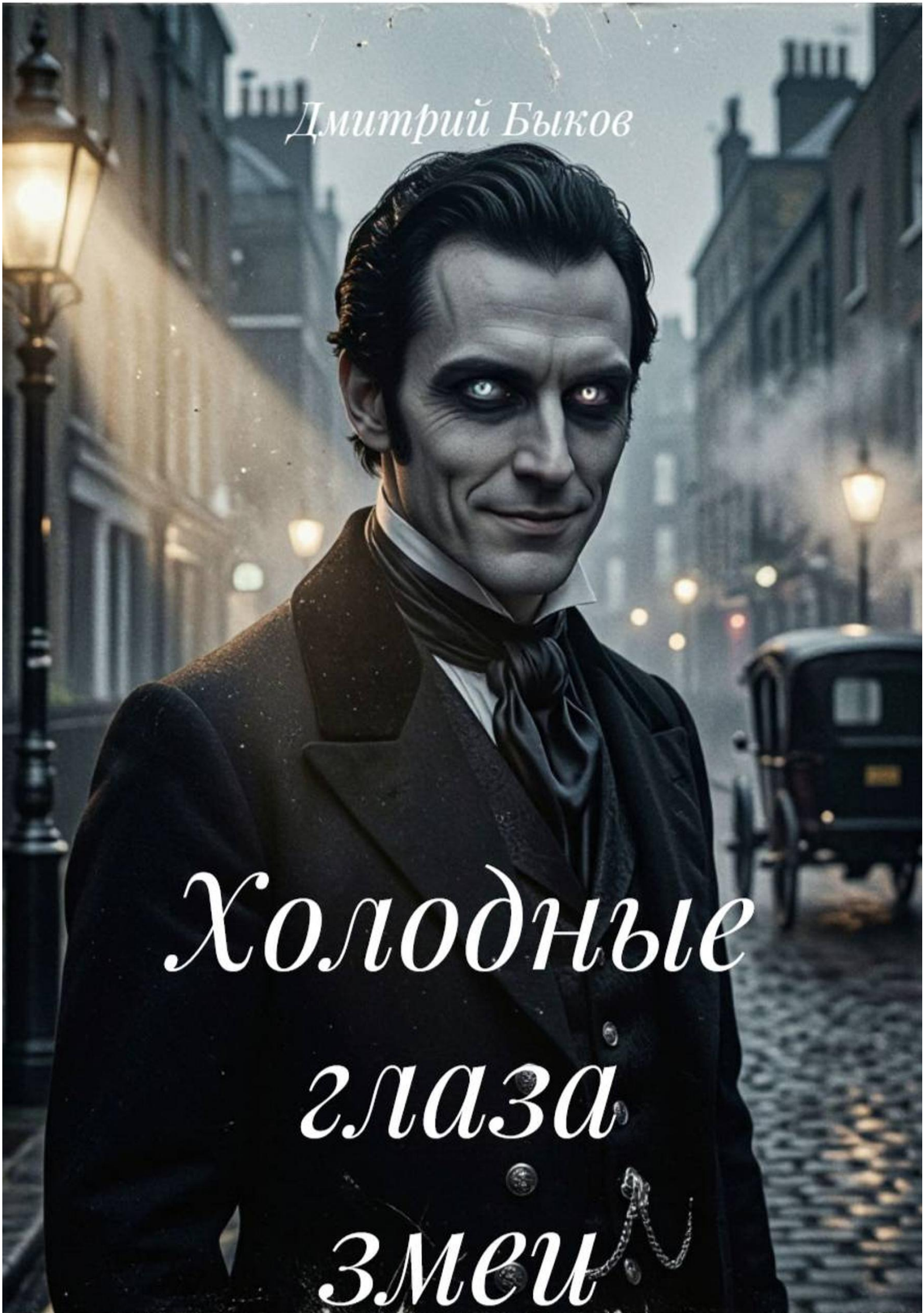
Дмитрий Быков
Холодные глаза змеи

Дмитрий Быков

Новый хозяин

«Автор»
2026

Быков Д.

Новый хозяин / Д. Быков — «Автор», 2026

Его считали выдумкой. Торговый дом, открытый им в Шанхае, в архивах не значится. Единственное, что поддалось проверке, — заметка в "North China Herald" от 14 марта 1897 года: джонка из верховьев Янцзы и тело, которое не опознали. Лодку вёл европеец с глазами "холодными, как у змеи". На борту не нашли ни бумаг, ни груза — только деревянный ларец на три замка. Его не открыли по сей день.Записки Уилфреда Брюса — о том, как он встретил этого человека и чем заплатил за дорогу до монастыря в горах. Роман о докторе Никола, которого боялись как чумы, — и который, возможно, никогда не существовал.

© Быков Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ 5
ГЛАВА I. КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ДОКТОРОМ НИКОЛА 7
ГЛАВА II. ПРЕДЛОЖЕНИЕ НИКОЛА 11
ГЛАВА III. ПЛАН НИКОЛА 16
ГЛАВА IV. МЫ ВЫСТУПАЕМ В ТЯНЬЦЗИНЬ 21
ГЛАВА V. Я СПАСАЮ МОЛОДУЮ ДАМУ 27
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Дмитрий Быков
Новый хозяин

"Глаза его всегда казались мне похожими на глаза змеи — такими холодными и бездушными, но смотрящими насквозь".
Глэдис Медвин

ВСТУПЛЕНИЕ

Дорогой мой Уильям Джордж Крейги! Я нисколько не сомневаюсь в вашем удивлении при получении этого письма после столь долгого и ничем не оправданного молчания с моей стороны. Вы, верно, уже успели счесть меня либо покойником, либо, по меньшей мере, вечным изгнанником. Когда мы виделись в последний раз, это было на палубе яхты Тремордена в гавани Гонолулу. Я только что вернулся с Кауайи, а на следующий день вы, счастливец, отправлялись в Англию королевской почтой, чтобы жениться на девушке своего сердца. С тех пор я случайно узнал, что вы осели в деревне, словно родились в ней; что вас живейшим образом интересует бурак, и что, наводя ужас на браконьеров и прочих сельских злодеев, вы имеете славу человека, который сделал свою жену самой счастливой на свете. Словом, вам можно только позавидовать, и такие ужасные варвары, как я, должны почитать вас счастливейшим из смертных.Однако, в то время как дела у вас, мой друг, шли столь благополучно, я, к несчастью, не могу сказать того же о себе. По окончании нашего приятного круиза по Южным морям, когда наша компания распалась на Сандвичевых островах, я переправился в Сидней, прошел вдоль Большого Барьерного рифа до Куктауна, где три месяца испытывал судьбу на Палмерских золотых приисках. Не преуспев в этом, я вернулся на побережье и двинулся дальше на север, к острову Четверга. Оттуда я наведался в Новую Гвинею, оказывал ей свое покровительство добрых полгода и получил взамен жестокий приступ лихорадки. Едва оправившись, я перебрался на Борнео, чтобы в итоге, как вы и можете предположить, осесть в моем возлюбленном Китае.Помните ли вы, как в былые дни, когда мы оба занимали в Гонконге должности более или менее значительные, вы подтрунивали над моей любовью ко всему китайскому и над моей нелепой страстью ввязываться в самую причудливую компанию и забираться в самые диковинные места? Мог ли я тогда вообразить, до какого отчаянного положения доведет меня в конце концов это помешательство! Но ведь мы никогда не знаем, что уготовило нам будущее, не так ли? И, пожалуй, это даже к лучшему.Вы заметите, дорогой Крейги, что именно отчет о моем визите в Китай и составляет эту книгу; и вы также должны понимать, что лишь благодаря нашей давней дружбе и нашим совместным странным изысканиям в мире оккультного в былые дни, ваше имя красуется на самом ее виду.Несколько слов о моем нынешнем существовании и жилище. Своего местоположения я не могу открыть даже вам. И поверьте, я делаю эту оговорку по самым веским причинам. Скажу лишь, что я владею небольшим поместьем в добрых пять тысяч акров, в краю, который порадовал бы ваше сердце, если бы супружество и постоянное благополучие не испортили вам глаз для восприятия плодородной почвы. Со всех сторон оно окружено отвесными горными хребтами, на западных вершинах которых в эту самую минуту, когда я сижу на своей веранде и пишу вам, собирается облако, окрашенное заходящим солнцем в розовый цвет. Трудно найти более тихое и уединенное место, вдали от суеты и шума цивилизации. Раз в шесть месяцев мои припасы доставляют мне на мулах доверенные слуги, в жизни не произнесшие ни слова по-английски, а раз в шесть недель я отправляю и получаю свою почту за четыреста миль от меня. В промежутках я живу простой патриархальной жизнью: сам хожу за плугом, собираю урожай, живу в согласии со своим соседом, который нахо-

дится в двухстах с лишним милях от меня, и, фигурально выражаясь, наслаждаюсь жизнью под собственной смоковницей и виноградной лозой.Порой, когда прохладный западный ветер колышет высокую траву, когда дикие утки свистят над лагунами, или когда до меня доходит газета со сплетнями из внешнего мира, я бываю немного неспокоен. Но в остальное время могу с уверенностью сказать, что ни о чем не жалею. Я покончил счеты с миром, и чтобы облегчить мое изгнание, мне было даровано величайшее из всех благ — добрая жена. Кем она является и как я ее завоевал, вы узнаете, когда прочтете это повествование, составление которого было моим главным и, осмелюсь сказать, единственным развлечением на протяжении нашей более чем томительной зимы. Но теперь к нам пришла весна, облаченная в мантию из сочной травы, в сопровождении щебета птиц и музыки бесчисленных малых водопадов, и я — новый человек. Снег сошел, ласточки с рассвета до заката снуют под карнизами, и завтра это…Увижу ли я когда-нибудь снова доктора Никола, главного героя этой истории, — больше того, что я могу вам сказать. Но я искренне надеюсь, что нет. Именно ради обстоятельств, созданных этим необыкновенным человеком, я обрек себя на вечное изгнание; все же у меня нет желания, чтобы он узнал о моей жертве. Иногда, лежа без сна в тихие ночные часы, я с трудом верю, что события последних двух лет реальны. Ужас того времени все еще тяжким бременем лежит на мне, и если я доживу до ста лет, сомневаюсь, что сумею его изжить. Когда я скажу вам, что даже те тайны и жуткие переживания, в которые мы совали свои дерзкие носы в былые дни, были ничем по сравнению с тем, через что мне довелось пройти с тех пор в обществе Никола, вы поначалу решите, что я фантазирую. Но я знаю одно: к тому времени, как вы выучите мою причудливую историю наизусть, все сомнения на этот счет будут развеяны.Последняя просьба. Прочитав эту книгу, не пытайтесь разыскать меня. Поверьте мне на слово, так будет лучше.А теперь, без дальнейших предисловий, перейдем к самой истории. Да благословит вас Бог и дарует счастье. Скажите жене обо мне доброе слово и верьте мне до самой смерти…

ГЛАВА I. КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ДОКТОРОМ НИКОЛА

Был субботний день, около четырех часов дня. Дорога Малоо, ведущая к Бьющему Колодцу — единственному месту для прогулок в Шанхае, — была забита до отказа. Ландо, догкарты, двуколки, не говоря уже о рикшах, велосипедах и лошадях, тянулись сплошной вереницей. Весь европейский Шанхай, да и изрядная доля туземцев, высыпали на улицы посмотреть на финиш парфорсной охоты. Сама по себе забава была так себе, но другой в этот день в сеттльменте не предвиделось.

Я дошел пешком до Конного базара, а там взял рикшу — больше из гонора, чем по карману. Говоря начистоту, которую все равно не утаишь, я отчаянно пытался держать фасон. Развалился в повозке, пускаю дым колечками, вид у меня — принц принцем, а в уме только одно: когда придет время платить, мой тощий кошелек прикажет долго жить.

С тех пор как я прибыл в Шанхай, удача от меня отвернулась. Я перебрал все вакансии — от теплых местечек в верхах до должности писаря у евразийцев-коммунистов где-то на задворках китайского города. Без толку. У одних не было нужного блата, другие требовали такой собачьей преданности, на которую я был неспособен.

А деньги тем временем таяли. Я быстро смекнул: если ничего не случится в самое ближайшее время, мне одна дорога — спать на набережной Бунд, а там и до Смешанного суда рукой подать. Буду фигурировать там как должник какого-нибудь еврея из Кохинхины. Положение кислое, но я в нем уже не раз бывал. Выкручусь, как всегда, хоть и без лишнего самоуважения.

Добравшись до Колодца, я расплатился с кули и встал у "последнего барьера" — заранее сколоченного забора и рва перед ним, преграды весьма коварной. Лошади пошли на штурм: кто взял, кто встал на дыбы, а кто прыгнул прямо на забор, споткнулся и вышвырнул всадника в грязь. Зрелище не для эстетов, но смешное до колик.

Когда последний конь приземлился, я уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг крик: "А ну прочь с дороги!". Оборачиваюсь — несется еще один. Всадник шпорит что есть мочи, хочет красиво закончить день, но лошадь явно не согласна. До забора — ярдов шесть. Она бьет по тормозам, упирается, получает хлыстом по боку, в панике решает прыгнуть, но поздно. Ударяется лбом о перекладину, делает в воздухе сальто и с грохотом падает мне под ноги. Сам ездок летит в канаву. Я его оттуда и вытащил. Красавцем он не был, но меня узнал сразу.

— Уилфред Брюс, разрази меня гром! — орет он, поднимаясь и утираясь грязным платком. — Вот это удача! Я, представьте, два часа сегодня на вас угробил!

— Мне жаль, что вы так старались, — отвечаю. — Но дела у меня сейчас, честно говоря, шаткие.

Он подмигивает, смотрит на свою лошадь. Та уже встала и ошалело вертит головой.

— Так, этого зверя надо домой отправить, — говорит он. — Потом найду свой догкарт, и если вы не против, подброшу вас до города.

Мы проводили лошадь, нашли его двуколку, уселись и поехали.

Устроившись поудобнее, мой старый приятель Джордж Баркстон — я его лет десять знаю — отложил хлыст и повернулся ко мне. Вид у него был такой, будто он сейчас скажет что-то важное.

— Слушайте, Брюс, — начал он, даже покраснел слегка. — Я не буду ходить вокруг да около. Мы старые друзья. Я знаю, что у вас сейчас за беда. Не сочтите за наглость, но дайте мне вам помочь.

— Вы очень добры, — отвечаю, а сам невольно дернулся, когда он впритирку обошел американский багги. — Если честно, Джордж, мне работа нужна как воздух. В казне — дыра. И хотя я в нищете толк знаю, гордость еще осталась. Не хочу в следующую среду в Смешанном суде объясняться, почему не отдал домовладельцу двадцать долларов за жилье.

— Еще бы не хотели, — подхватил он. — И потому слушайте. Есть у меня одна мысль. Сидел я на днях в курилке в клубе, болтал с одним типом. Редкая птица, я вам скажу. Таких чудаков на Востоке поискать. Глаза — брр, насквозь смотрит. Помните Бенуэлла с канонерки "И-чан"? Так вот, пока я с этим типом в пул играл, заходит он.

— Привет, Баркстон! — говорит. — А я думал, вы с Джимми Вудрафом на охоту уплыли. Кстати, вы не видели... — Тут он моего соседа заметил. Челюсть у него отвисла. Уставился, что-то буркнул, вяло мне руку пожал и вылетел из комнаты пулей. Я за ним.

— Эй, Бенуэлл! — кричу. — Куда вы? Я вас обидел?

Отвел меня в уголок, чтобы слуги не слышали, и шипит: — Баркстон, я не трус. Я зулусов гонял, малайцев, японцев, китайцев — всех брал. Но когда я вижу доктора Никола, я, не думая, даю деру. Мой вам совет — делайте то же самое.

Сказал, кликнул рикшу и был таков. А когда я вернулся, Никола все еще там стоял. Кием машет, фокусы на бильярде показывает.

— Знакомое лицо, — говорит мне, а сам шары гоняет. — Это Бенуэлл с "И-чана". Он меня помнит. — Вы встречались? — Было дело. В Сайгоне. И, скажу я вам, он туда по своей воле больше ни ногой.

Тут он письмо достал, прочитал, конверт повертел. — Вопрос есть. Вы знаете Брюса? Из Гражданской службы? Который так под китайца маскируется, что сам Ли Чан Тун не отличит? — Знаю. Это мой друг. Он сейчас здесь, в Шанхае. Только утром о нем слышал. — Ведите его ко мне. Мне сказали, он без места сидит. Если увидит меня до полуночи завтрашнего дня, я ему хорошую службу найду. Вот так, Брюс, я свой долг исполнил.

— Я ваш должник, Джордж. Но кто такой этот Никола? Что за место? — Кто он? Да черт его знает. Если он не кузен самого Дьявола, значит, я в родне ничего не смыслю. Выглядит? Высокий, тощий, как щепка. Лицо белое, как у жабы, аж смотреть страшно. Глаза и волосы — черные. Опрятный, сволочь, аж тошно. Смотрит на тебя — кажется, затылок твой видит. А говорит — хоть веревки вей, слушаешь и не пикнешь. В общем, чем реже видимся, тем мне спокойнее. — А я-то ему зачем? — Он сам Сатана и есть. Ему мажордом нужен. Думает, вы подойдете.

Мы как раз въехали в город. — Где его искать? — Поехали в клуб. Он, небось, записку оставил.

В клубе "Вандерерс" Баркстон зашел внутрь, я остался с лошадьми. Выходит с письмом. — Не успел, — говорит, мрачнея. — Никола только что ушел. Оставил записку. Просит вас к нему в бунгало без промедления. Это у Фере, во Французской концессии, улица де ла Фейет. Третий дом справа, за тем местом, где маркиз жену застрелил. Вот записка. Поужинайте там, подумайте. А там видно будет. — Хороший план, — говорю. — Мне собраться с мыслями надо.

Я сошел у поворота, еще раз поблагодарил Джорджа и пошел на Бунд. Сел на скамейку под деревом. Ситуация — дрянь. Слухов про Никола ходит — вагон. Восток любит почесать языками. Я, конечно, не всему верю, но любопытство разбирает.

Пошел домой, выпил чаю. В восемь часов, когда уже стемнело и ветер погнал пыль в лицо, я двинулся в сторону Французской концессии. Шел и думал: неужели я лезу в пекло? Связываться с типом, которого все боятся? Но с пустыми карманами привередничать не станешь. Нашел улицу, нашел дом. Третий справа. Темнота.

Постучал дважды. В коридоре замелькал свет. Дверь открыл китайский мальчик со свечой. — Доктор Никола здесь живет? — спрашиваю, чувствуя себя тем самым Джеком у ворот великана.

Мальчик кивнул. Я отдал записку. Он метнулся внутрь — и двух минут не прошло — машет мне: заходи.

Я прошел в небольшую комнату. Дверь за мной закрылась. Никого. Можно осмотреться. Обычное бунгало. Слева окно — в решетках. Книжный шкаф ломится: от биметаллизма до Конфуция. На стенах гравюры — сплошь чернокнижие: Саул у Аэндорской волшебницы, фараон и маги, кости в пустыне. Тикают часы. Тишина.

Жду минут пять. Слышу шаги. Открывается вторая дверь, отодвигается тяжелый занавес. Входит он. Вылитый Баркстон описывал. Бледный, тощий, в черном вечернем костюме. Лет тридцать пять на вид.

— Мистер Уилфред Брюс? — Он самый. Доктор Никола? — Совершенно верно. Теперь к делу.

Он открыл еще одну дверь и кивнул мне. Я вошел. Комната огромная. Окно — как витраж. Стены в японских гобеленах, мечи, доспехи, фарфор, книги. Три лампы свисают с потолка. Диваны, подушки. У дивана — кальян такой работы, что в самом Стамбуле не сыщешь.

— Садитесь, — говорит. Указывает на кресло в дальнем углу.

Уселся. Он напротив. Смотрит, не моргая. — Вы ведь не новичок в Китае? — Нет. Старый житель Востока. Знаю его не хуже любого англичанина. — Именно. Вы были в доме Цунша в Ваньсяне в августе восемьдесят девятого. И помогли Мах Пу сбежать от мандаринов через неделю.

У меня челюсть отвисла. Откуда он знает? Я был уверен, что об этом знаем только я и сам Мах Пу. — На Востоке, — говорит он, обхватив колено, — узнаешь много странного. Это учит тому, как мало мы знаем друг о друге. — Не понимаю. — Сейчас поймете. — Он достал бумагу, положил на пол. Взял уголь. Свистнул.

С потолка, не иначе, спрыгнул черный кот. Встал, хвостом хлещет. — Некоторые скажут, что это мой нечистый, — усмехается Никола, гладя зверя. — Глупости. Но для примера...

Он пишет цифры от одного до десяти. Шепчет коту на ухо. Кот кладет лапу на "2", потом на "4". — Двадцать четыре, — говорит Никола.

Переворачивает бумагу. Пишет месяцы. Кот встает на "Июнь". Никола показывает алфавит. Кот лапой — "А", "П", "И", "Я". — 24 июня, — говорит Никола. — В Апии. Пишет цифры года. Кот бьет лапой: 1, 8, 7, 5. — Верно? — Верно, — выдавил я. — Рад. Хотите еще фокусов? Я замотал головой. Чертовщина.

— Что вы думаете о моем коте? — спрашивает. — Можно принять за нечистого. — Это воспитание. Скажите, Брюс, как далеко, по-вашему, может зайти человеческий разум? В оккультные сферы? — Боюсь, я не... — Где начинается и заканчивается мир? — С рождением и смертью. — А после? — Это к пасторам. — У вас нет своего мнения? — Остались обрывки из воскресной школы. Душа, два места...

— Допустим, — наклоняется он ко мне. — Допустим, душа Брюса обречена на вечные муки. Как он тогда встретит смерть? — Но вам еще нужно доказать, что он продолжает существовать, — сказал я. — Это именно то, чего я желаю и намерен добиться, — сказал Никола, — и именно для этого я искал вас. Ваше время сейчас плотно занято? Я улыбнулся. — Я все понимаю, — сказал он. — Что ж, у меня есть к вам предложение, если вы меня выслушаете. Годы назад я попал в компанию одного сбежавшего оксфордского преподавателя. Он рассказал мне удивительные вещи и подкрепил их доказательствами. Вы назвали бы это фокусами. Так считал и я тогда, но не сейчас. Именно от него я узнал ту крошечную деталь, которая вывела меня на след того, за чем я охочусь сейчас. Я шел по этому следу восемь лет. Теперь я держу палец на главной клавише. Если я нажму на нее, я завладею информацией, масштаб которой мир — европейский мир — и представить себе не может. Я смелый человек, но признаюсь, что перспектива того, что я собираюсь предпринять, почти пугает меня. Это не более и не менее

как проникнуть, с помощью китайских тайных обществ, в самый необыкновенный монастырь, который вы когда-либо слышали, и, оказавшись там, выпросить, одолжить или украсть чудесные секреты. Я не могу пойти один. Мне нужен человек один на тысячу. Он должен быть храбрым сверх среднего, уметь маскироваться под китайца так, чтобы родная мать не узнала, и быть готовым к тому, что никогда не вернется. Если он готов на это, я заплачу ему десять тысяч фунтов вперед и десять тысяч по возвращении. Что вы на это скажете?

Я не знал, что сказать. Я хотел денег больше, чем когда-либо в жизни, а это была сумма, превосходившая даже мои самые смелые мечты. Но должен признаться, все это казалось слишком безрассудным. — Что я могу сказать? — ответил я. — Это такое необыкновенное предложение. — Так и есть. Но, как я это понимаю, мы оба — необыкновенные люди. Будь вы одним из рядовых исполнителей, я не обсуждал бы это с вами. Я бы на вашем месте подумал дважды: Шанхай — неприятное место, чтобы попасть в беду, и, кроме того, в следующую среду ваши деньги закончатся.

Он сказал это с таким видом невинности, что мне даже не пришло в голову удивиться, откуда он узнал о состоянии моих финансов. — Ну же, — сказал он, — вам лучше сказать "да". — Мне хотелось бы еще немного подумать, — ответил я. — Я не могу связать себя таким обязательством, не обдумав его как следует. — Очень хорошо. Идите домой и подумайте. Приходите ко мне завтра вечером в это же время. А пока, будь я на вашем месте, я бы не говорил о нашем разговоре никому.

Я заверил его, что не скажу. Он поднялся, и я понял, что беседа окончена. Я проследовал за ним в холл, черная кошка степенно шагала следом. На веранде он остановился и протянул руку: — Надеюсь, мистер Брюс, вы поверите, что я больше всего на свете жажду вашего общества. Я просто констатирую факт: вы — единственный человек в Китае, чьего сотрудничества я бы попросил. А теперь доброй ночи. Надеюсь, завтра вы придете ко мне с благоприятным ответом.

Когда он говорил, кошка, которая до того стояла рядом, подошла и начала тереться головой о мою ногу, тихо мурлыча. — Я дам вам знать непременно, — сказал я, — к завтрашнему вечеру. Доброй ночи.

ГЛАВА II. ПРЕДЛОЖЕНИЕ НИКОЛА

Пожелав доктору Никола доброй ночи на веранде, я взглянул на часы. Было начало одиннадцатого. Я сунул их в карман и отправился на долгую прогулку по городу — нужно было переварить его предложение.

Аргументы "за" и "против" делились поровну. В плюс шло то, что я был один как перст. Отец с матерью давно в могиле, братьев и сестер нет — никто не станет лить по мне слезы, если я сгину в какой-нибудь дыре. Во-вторых, я с пятнадцати лет не знал покоя и привык к любым передрягам. Поймете меня лучше, если скажу: из дома я сбежал в пятнадцать, чтобы уйти в море; три года провел на палубе в такой грязи, какую и в страшном сне не увидишь; потом еще пять лет скитался по австралийскому бушу на границе с Большой пустыней; затем два года оттрубил в конной полиции в Капской колонии. Был и приличный чин в Гонконге, и еще с десяток мест — хороших, дряных и так себе. Мне стукнуло тридцать пять, я сроду не знал, что такое хворать или всерьез горевать, и, если кому интересно, во мне было около восьмидесяти пяти кило росту и под сто восемьдесят пять сантиметров, глаза серые, волосы темно-русые, а рожа, уж простите за бахвальство, вполне смазливая.

Положение мое в тот момент — и денежное, и всякое прочее — было хуже некуда. Да, если долго искать, место, может, и подвернется. Но с тем же успехом я мог сдохнуть под забором — я знал это по горькому опыту. В Шанхае в тот момент ошивались десятки таких же бедолаг, как я, готовых вцепиться в любую работу. Только сегодня утром один известный купец, к которому я сунулся на предмет места кассира, сказал, что мог бы заполнить эту вакансию сто раз подряд еще до моего прихода.

Выходило, что я не имел права упускать ни единого шанса. Я перебирал в уме предложение Никола. Чертовски мешала одна вещь: я с рождения был падок на приключения. Когда подворачивалась такая дрянь, как сейчас, устоять было трудно. Да и признаюсь честно: этот конкретный вид авантюры манил меня с небывалой силой. Что уж греха таить: Никола был прирожденным вожаком. Его дьявольское обаяние просто заставляло меня идти за ним, хочу я того или нет.

Плохо было одно: сдохнуть можно было в два счета. Но тут я сам себе сказал: помирать все равно когда-то надо, а если повезет и выкарабкаюсь — двадцать тысяч фунтов сделают меня свободным до конца дней. Как только я подумал об этих деньгах, перед глазами всплыла мерзкая рожа моего хозяина-полукровки и его счет, написанный куриным почерком с ошибками, который я точно получу завтра утром. Меня окатило ледяной водой. Все, я решил. Иду. С этой мыслью я повернул к дому.

Но когда я проснулся на следующий день, за меня взялась осторожность. Сны были — хоть вешайся. Меня травили ядом в китайских монастырях, рубили голову палачи у городских ворот и пытали тысячей изощренных способов. Кошмары, конечно, были порождением тревоги, но я не мог выкинуть из головы, что все это — в пределах возможного. Как только я надену китайское тряпье, намажу рожу и пришью косу — я стань китайцем. Чистым китайцем. Со всеми вытекающими законами.

Был и еще один вопрос. Каким попутчиком окажется сам Никола? Можно ли ему верить, когда запахнет жареным? Прикроет ли он спину, как положено товарищу? А если встанет выбор — бежать одному или вдвоем, не воспользуется ли он правом хозяина и не бросит ли меня расхлебывать кашу? В таком случае мои десять тысяч в Шанхайском банке и еще десять по возвращении будут стоить меньше старого кисета.

И отсюда вытекал последний вопрос: а есть ли у Никола вообще такие деньги? Не пустышка ли он?

Вопросы были серьезные, и на каждый нужно было получить четкий ответ. Чтобы успокоить душу, я решил навести справки у кого-нибудь незаинтересованного. Но у кого? Баркстон говорил, что Никола известен на всем Востоке, Бенуэлл из таможни чуть в штаны не наложил при встрече в клубе, да и я сам наслушался в Сайгоне и Маниле всякого бреда. Но все это были бабкины сказки. Я перебрал всех знакомых — никого. И тут, пока одевался, вспомнил. Был один купец, владелец самого большого торгового дома на Бунде. Говорили, он знает о людях — и особенно о чудаках — больше, чем кто-либо в Китае.

Я позавтракал тем, что бог послал, принял от хозяина счет с видом лорда, у которого в банке лежат двадцать тысяч, раскурил отличную сигару на веранде и не спеша двинулся в город.

На Бунде я прошелся вдоль реки, пока не нашел контору приятеля. Дом — загляденье. В главном холле мне чертовски повезло: я наткнулся на главного компрадора купца. Тот, расспросив меня, доложил хозяину, что тот свободен, и провел меня к нему.

Александра Макэндрю выдавали его корни — из-за Твида, это было ясно через пять минут разговора. Своим нищенским прошлым Макэндрю гордился пуще, чем какой-нибудь де ла Зуш — дружбой с Завоевателем.

— Ба, мистер Брюс! — он вскочил и крепко пожал мне руку. — Вот это сюрприз! Как давно вы в Шанхае?

— Давно, лучше не вспоминать, — ответил я, садясь в предложенное кресло.

— И за все время ни разу не зашли. Нехорошо со старым другом, а?

— Прошу простить мою рассеянность, — сказал я. — Но в этот раз дела в Шанхае у меня не пошли, вот я и носа никуда не казал. Видите, я с вами откровенен.

— Жаль слышать, что у вас беда. Если могу помочь — только скажите.

— Спасибо. Я уже решил к вам обратиться. Собственно, за советом и пришел.

— Рад это слышать. И в чем вам нужен мой совет?

— Ну, для начала скажу: мне предложили место. На двадцать тысяч фунтов.

— Черт подери, Брюс, — вытаращился мой друг, — а ты же говорил, дела плохи? Что за место?

— Вот об этом, к сожалению, я не могу сказать никому.

— Тогда какого дьявола ты от меня хочешь?

— Для начала — узнать, что ты знаешь о моем нанимателе?

— Назови имя, я подумаю. Я знаю девять из десяти шишек на Востоке.

— Ну, этого типа зовут Никола.

— Никола! — Макэндрю аж привстал, повернувшись ко мне. — Какого черта у тебя за дела с Никола на двадцать тысяч?

— Дела первостатейной важности. На грани жизни и смерти. Но вы его знаете?

Старик перегнулся через стол и заговорил почти шепотом: — Брюс, я знаю об этом человеке больше, чем рискну вам сказать. Возьмите мой совет: уносите ноги, пока целы. Если не можете — будьте в десять раз осторожнее с ним в делах.

— Вы меня пугаете. Он что, не заплатит?

— О, насчет денег — не сомневайтесь, он мог бы выложить их дюжину раз. Между нами говоря, он имеет право выписать чек на мое имя тысяч на пятьдесят.

— Значит, богач? Но откуда у него такие капиталы?

— Эх, вот это уже не моего ума дело. Но откуда бы они ни взялись, послушайте меня и подумайте дважды, прежде чем лезть к нему в кабалу. Лично я, — и говорю это честно, — мало кого боюсь. Но Никола я боюсь. И я докажу вам, что я такой не один, вот этим письмом.

Он выдвинул ящик стола, достал пару листов и расправил их на столе. Письмо было от покойного министра колоний, где тот описывал, как Никола выкрал его дочь, запугал жену и упрятал зятя в Порт-Саиде.

— Ну, Брюс, что вы теперь думаете о докторе Никола?

— Это меняет дело, не так ли? Но все же, если Никола будет играть честно, двадцать тысяч — это двадцать тысяч. Я двадцать лет пытаюсь заработать на этом свете, и это весь мой капитал.

Я вывернул карман. Там лежала жалкая горсть монет — жалкие гроши. Я повернулся к купцу. — Не знаю, что вы подумаете, но мое мнение таково: характер Никола должен быть чертовски скверным, чтобы перевесить двадцать тысяч соверенов.

— Боюсь, вы безрассудны, Брюс. Послушайте меня: попробуйте найти что-нибудь другое. И я помогу. У моего старого приятеля Уэбстера в конторе как раз есть место. Жалованье приличное, работа — не бей лежачего. Я видел его утром, место еще свободно. Почему бы не попробовать? Если хотите, я дам вам письмо, и скажу ему, что буду считать его неблагодарной скотиной, если он вас не возьмет.

— Я вам чертовски признателен. Да, пожалуй, я попробую, прежде чем дам ответ Никола. Письмо сейчас можно?

— С удовольствием. Я напишу сию минуту.

Он накатал послание. Когда все было готово, я горячо поблагодарил его и откланялся.

Контора Уэбстера была на другом конце Бунда. Уэбстер был полной противоположностью Макэндрю. Высокий, дородный, дьявольски серьезный. Смеялся редко, а если смеялся — то сухо и безрадостно. Он внимательно прочитал письмо и сказал: — Мне крайне жаль, мистер Брюс. Ради друга Макэндрю я бы с радостью взял вас; к несчастью, место, о котором идет речь, заняли меньше часа назад.

— Жаль это слышать. Я и впрямь чертовски невезучий; это тринадцатое место, которое я пытаюсь получить с приезда в Шанхай, и все впустую.

— Да, удача от вас отвернулась. Но если хотите довести число попыток до ровного счета, я помогу еще с одной. У пароходной компании "Ред энд Йеллоу Фаннел" есть вакансия в офисе. Если хотите, пойдемте со мной прямо сейчас, я сам представлю вас управляющему.

Я поблагодарил его, и когда он надел свой пробковый шлем, мы двинулись в контору. Но меня ждал еще один облом. Как и у Уэбстера, место только что заняли. Когда мы вышли из святилища босса в общий зал, новый клерк уже сидел на высоком табурете и вносил записи в гроссбух.

Оставив здание, я попрощался с попутчиком на тротуаре и с тяжелым сердцем поплелся домой. Не прошло и десяти минут, как в комнату бесцеремонно вошел хозяин. Без предисловий, едва соблюдая приличия, он потребовал оплатить счет сегодня же. Пришлось ему об этом сообщить. Когда он вышел, между нами повисла ощутимая прохлада.

Я долго сидел один в тревожных думах. Что делать? Все пути закрыты, жить не на что. Уехать я не мог — денег нет. А остаться и не платить — прямая дорога в Смешанный суд.

В таком отчаянном положении принять предложение Никола было единственным выходом. Но делать это за просто так я не собирался. Если он положит тысяч пятнадцать на мой счет в банке — я спасен. Если нет — ну что ж, придется ставить точку прямо сейчас.

Я вышел из дома, вернулся на Бунд и уселся в тенечке в саду, чтобы все обдумать. Когда стемнело, я принял решение. Иду к Никола.

Ровно в восемь я был у его дома и дернул звонок. В ответ на мой трезвон дверь открыл тот же слуга-китаец, что и вчера, и сообщил, что хозяин дома и ждет меня. Войдя, я был проведен в ту же комнату. Снова минут пять я был наедине со своими мыслями. Затем дверь открылась, и вошел доктор Никола.

— Добрый вечер, мистер Брюс. Вы очень пунктуальны, и это не только приятная черта вашего характера, но и добрый знак. Пройдемте в соседнюю комнату? Там удобнее.

Я проследовал за ним и сел в то же кресло, что и прошлой ночью. Не прошло и полминуты, как появился черный кот. Узнав во мне старого знакомого, он тут же потерся головой о мою ногу.

— Видите, даже кот хочет вас задобрить, — сказал Никола с кривой ухмылкой. — Не думаю, что на свете есть еще пятеро мужчин, к которым он был бы так дружелюбен при столь коротком знакомстве. Ну, слушаю ваше решение. Вы идете со мной или решили отказаться?

— При определенных условиях я решил составить вам компанию. Но считаю справедливым предупредить: условия эти довольно жесткие.

— Изложите их. Даже если они окажутся непомерными, мне будет чертовски трудно не пойти на какой-нибудь компромисс.

— Ну, для начала, я потребую, чтобы вы положили в здешний банк пятнадцать тысяч фунтов. Если вы это сделаете и дадите мне вексель на год на остальную сумму — я ваш человек.

— Дорогой мой, и это все? — быстро сказал Никола. — Я с радостью сделаю это двадцать тысяч. Я и не думал, что вас остановят деньги. Прошу прощения на минуту.

Он встал, прошел к столу у другой стены, что-то нацарапал пару минут и вернулся. Протянул мне клочок бумаги. Это был чек на двадцать тысяч фунтов. — Вот ваши деньги. Можете предъявить в банк когда угодно, вам выплатят по первому требованию. Думаю, это должно развеять ваши сомнения. Теперь, полагаю, вы готовы связать со мной свою судьбу?

— Погодите минуту. Это еще не все. Вы были со мной чертовски щедры, и при таких делах будет честно, если я отвечу тем же.

— Благодарю. Что вы хотите сказать?

— Вы знаете человека по имени Уэзерелл?

— Прекрасно знаю. Он был министром колоний Нового Южного Уэльса до недавнего времени. У меня есть очень веские причины его знать. Я имел честь выкрасть его дочь в Сиднее и упрятать его зятя в Порт-Саиде. Конечно, я его знаю. Видите, я тоже с вами откровенен.

— Весьма. Но простите за выражение, это была чистая сделка?

— Все зависит от того, что вы считаете чистой сделкой. Для вас это могло показаться странным. Я — в другом положении. Что бы я ни делал — я считаю это правильным. Уэзерелл мог бы избавить себя от хлопот, продав мне ту палку, про которую он писал Макэндрю, а тот читал вам письмо сегодня утром!

— Откуда вы знаете, что он читал?

— Откуда я знаю что-либо? Он читал. А если вы посмотрите на меня пристально минуту, я скажу вам дословно, о чем вы еще говорили.

— Думаю, это необязательно.

— Мне тоже, — спокойно сказал Никола и закурил. — Вы удовлетворены моим объяснением?

— А это было объяснение?

Никола только улыбнулся и взял кота на колени. Поглаживал его шерсть длинными белыми пальцами, глядя на меня из-под полуприкрытых век. — Знаете, вы мне нравитесь. В вас есть что-то чертовски приземленное. Вы производите впечатление человека, который вот-вот скажет что-то из ряда вон.

— Спасибо.

— Я хотел добавить, что конец вашего предложения обычно разбивает это впечатление вдребезги.

— У вас, очевидно, очень низкое мнение о моем уме.

— Вовсе нет. Я — тот, кто должен говорить умные вещи, а делать их придется вам. Равномерное распределение труда. Ну что, мы идем вместе или нет?

— Да, я пойду с вами.

— Я в восторге, — сказал Никола, протягивая руку. — Давайте пожмем на этом руки.

Мы пожали друг другу руки, и он посмотрел мне прямо в лицо. — Позвольте сказать вам, раз и навсегда: если вы будете играть честно, я прикрою вас, что бы ни случилось; но если вы увильнете хоть от крупицы своей ответственности — пеняйте на себя. Это честное предупреждение, не так ли?

— Совершенно верно. А теперь расскажите мне что-нибудь о самом плане и когда вы намерены стартовать?

ГЛАВА III. ПЛАН НИКОЛА

— Разумеется, — сказал доктор Никола, устраиваясь в кресле поудобнее и закуривая. — Раз уж вы ввязались в это дело, я обязан посвятить вас в детали. Само собой, мне не нужно просить вас держать язык за зубами. Вашего здравого смысла для этого вполне хватит. Возможно, вы решите, что я преувеличиваю важность того, что собираюсь рассказать. Но поверьте: если в этом городе узнают, что палка теперь у меня, наши жизни в Шанхае не будут стоить и ломаного гроша.

Я изучил этот вопрос вдоль и поперек. Это не хобби на час и не развлечение от скуки, это дело всей моей жизни. Чтобы добыть нужные сведения, я гонялся за людьми по всему свету. Когда я начал готовить почву, чтобы вытрясти палку из Уэзерелла, я выследил одного типа аж до Куяба на границе Боливии и Бразилии. В молодости этот парень торговал сусальным золотом в Западном Китае и случайно услышал байку про один монастырь в горах на пути в Тибет. Я потратил полгода и почти тысячу фунтов, чтобы найти его, и получил за это от силы десяток фраз. Я заплатил ему по десять фунтов за слово — за информацию, которую вы не оценили бы и в десять пенсов. Но я знал цену. Другого я гнал до Монтевидео ради описания одной китайской деревни; третьего — на Золотой Берег ради имени буддийского монаха; русского еврея — до Нижнего Новгорода ради значка на его цепочке, ценности которого он и сам не понимал.

Всю эту добычу, собранную лично, я добавил к тому, что накопил по переписке. Когда я свел все воедино, то, не хвастаясь, могу сказать: кроме троих людей, которые не имеют права болтать и, скорее всего, даже не знают о существовании мира за стенами своей обители, я знаю об этом обществе в шесть раз больше, чем любой живущий.

А теперь, когда я обрисовал масштаб, слушайте суть. Если верить их же хроникам, примерно в 288 году до нашей эры, когда на Цейлоне сажали священное дерево Бо, трое монахов, известных своим фанатизмом и тягой к черной магии, перебрались с острова на материк. Пройдя через Бирму, они осели на границе Тибета. Двое из той тройки умерли, а третий с новыми последователями построил монастырь и набрал паству. Секретность была строжайшая, но слухами земля полнится — о них постоянно пишут китайские хроники. Одну цитату я вам зачту.

Никола встал, прошел к старому шкафу у дальней стены и достал оттуда здоровенный альбом, похожий на папку для вырезок. В нем были вклеены рукописи и газетные полосы. Он вернулся в кресло, полистал страницы и нашел нужное.

— Кстати, — сказал он, подняв на меня глаза, — этот отрывок, который я сейчас прочту (я сам перевел его с оригинала), был написан в тот же год и месяц, когда Вильгельм Завоеватель высадился в Англии.

"И об этом огромном ордене, и о тех силах, которыми они владеют, я говорю с опаской. Говорят, будто в медицине они сильнее всех живущих, а в колдовстве — и подавно, о нем ходят самые невероятные байки. Утверждают, что они умеют воскрешать мертвых и продлевать жизнь далеко за пределы обычного срока. Но об этом я могу писать вам только с чужих слов".

Никола перевернул страницу. — Пропускаем пятьсот лет, — сказал он. — И находим упоминание у Фэн Лао Ланя, известного китайского писателя, жившего около 1500 года. Здесь они уже — головная боль для всего королевства. Из кучки монахов в одинокой обители они превратились в одну из крупнейших тайных сект Востока, хотя мистические силы по-прежнему доступны только трем главарям. К концу шестнадцатого века они так влезли в политику, что правительство приказало их уничтожить. Я почти уверен, что всемогущее Триадское общество с его девизом "Хоан Чэн Хок Бэн", державшее Китай в кулаке до недавнего времени, — это просто их дочерний филиал. Я убежден, что орден владеет теми оккультными знаниями,

которые ему приписывают уже две тысячи лет. И если есть сила, которая поможет мне проникнуть в их тайны, я ее использую.

У нас, в "цивилизованных" странах, принято высмеивать все, что нельзя увидеть и потрогать. Для среднего англичанина оккультного мира не существует. Но посмотрите, какое он противоречивое существо. Если он набожен, он же верит, что после смерти душа попадает в Рай — неважно, как он его называет: Олимп, Элизиум, Вальгалла или Нирвана. Он не может описать вам свой Рай, у него только туманные теории, но он верит в него безоговорочно. При этом он будет ржать в лицо теософу. Он сам себе противоречие.

Вы спросите, куда я клоню. Если бы я рассказал вам о вещах, которые видел на Востоке своими глазами, или о сведениях, добытых от очевидцев, вы сочли бы меня либо колдуном, либо идиотом. Я видел то, что нарушает все законы природы. Да, иногда там был фокус, но в большинстве случаев — чистая правда. И тут мы упираемся в слово "фокус". То, что я называю "трюком", вы назовете "глубочайшей магией". Но хватит болтовни. Смотрите.

Он прошел к буфету, взял оттуда причудливый стакан и кувшин с водой, поставил на стол и снова сел. Наполнил стакан до краев. — Сами посмотрите, — сказал он. — Он полон. Я хочу, чтобы вы в этом не сомневались.

Я осмотрел стакан. Вода стояла вровень с краями, сдвинь его — и прольешь. Я подтвердил, что он полон.

— Отлично, — сказал Никола. — А теперь смотрите демонстрацию того, что я называю "Воля против Материи". Стакан полон, вы это видели. Смотрите на меня.

Он взял с подноса спичку, зажег восковую свечу и поднес ее над водой так, чтобы капля воска упала в стакан. — А теперь, — сказал он, — смотрите на эту каплю. Не отрываясь. Я буду считать до двадцати.

Я сделал, как он велел, вперив взгляд в маленькое пятнышко на поверхности. И пока он монотонно считал, вода в стакане начала убывать. Медленно, по капле, пока стакан не опустел полностью.

— Встаньте и посмотрите, но не трогайте, — сказал хозяин. — Убедитесь, что он пуст, мне понадобится ваше честное слово.

Я осмотрел стакан. Ни капли. — Пуст, — сказал я.

— Отлично, — сказал Никола. — А теперь смотрите снова.

На этот раз он считал в обратном порядке. Вода поднялась обратно и заполнила стакан до краев, а капля воска так и плавала на поверхности.

Мы помолчали. Никола вылил воду обратно в кувшин и протянул мне стакан. — Осмотрите его хорошенько, — сказал он, — или решите, что это особая стекляшка от лондонских фокусников. Убедитесь, а потом объясните мне этот фокус.

Я осмотрел стекло под лупой. Никакой механики. — Я ничего не понимаю, — сказал я. — Объяснения у меня нет. — И все же вы до конца не уверены, что это не обычный фокус, вроде тех, что показывают у иллюзионистов. Смотрите мне в лицо. Прямо в глаза. Смотрите, пока часы на каминной полке — сейчас двадцать восемь минут десятого — не пробьют половину.

Я подчинился. Такой концентрированной силы взгляда я не встречал никогда. Я слышал, как людей парализует от взгляда месмеристов — в моем случае было чувство, что у меня не просто нет затылка, а головы нет вообще.

Две минуты растянулись в два часа. Часы пробили. Никола сказал: — Закатайте левый рукав и посмотрите на руку.

Я подчинился. На предплечье красными точками проступила моя собственная подпись. Я смотрел на нее, и она начала бледнеть, пока через полминуты не исчезла совсем.

— Вот это я называю трюком, — сказал Никола. — Или, говоря проще, внушением. Но вы спросите, зачем я это показал. Во-первых, вода никуда не девалась, она осталась в стакане. Я просто заставил ваш мозг поверить, что она исчезла, и он подчинился. Во-вторых, вы увидели

вторую часть того же фокуса. Вы скажете — гипноз. Но ответьте мне: если внушение — это лишь самый крошечный зачаток знаний того ордена, который я ищу, то каков же их главный секрет? Поверьте: то, что я показал вам сегодня — это кротовый холм рядом с Эверестом по сравнению с тем, что вы узнаете, если мы попадем внутрь. Я даю слово. Ну что, стоит игра свеч?

— Я с вами! — выпалил я. — Я буду служить вам верно, и если вы будете честны со мной, я отвечу тем же. Кстати, та палка, что вы забрали у Уэзерелла, она имеет отношение к делу? — Самое прямое, — ответил он. — Это ключ ко всему. Изначально таких палок было всего три — по одной на каждого из трех глав секты. По какой-то причине один из них покинул монастырь. Он умер при странных обстоятельствах, и палка попала к настоятелю Юнхэгуна в Пекине, откуда ее украл один англичанин, известный как Китаец Пит. Он рискнул жизнью, переодевшись тибетским монахом. Украв, он удрал от меня в Австралию, не зная истинной цены сокровища. Общество узнало о пропаже и послало людей по следу. При попытке отбить палку один из китайцев был убит у берегов Квинсленда, а Китаец Пит арестован в Сиднее за убийство. Уэзерелл защищал его и отмазал, а тот, не имея денег, отписал ему палку. Месяц спустя я добрался до Сиднея, но китайцы были там раньше нас. Мы оба пытались заполучить палку, но из-за упрямства Уэзерелла ни у кого не вышло. Я предлагал ему любые деньги — он отказался. Тогда я решил забрать ее любой ценой. Как — вы знаете. Это было полгода назад. Как только палка оказалась у меня, я вернулся сюда, чтобы проникнуть в Китай и выяснить то, что мне нужно.

— А где она сейчас? — спросил я. — В надежном месте. Но если хотите взглянуть — я с удовольствием покажу. — Я бы очень хотел.

Он вышел и вернулся через пять минут. Сел напротив, достал из кармана небольшой футляр и извлек оттуда крошечную палочку — дюймов трех в длину. Обычная черная деревяшка, покрытая китайскими иероглифами из мертвого золота. К одному концу привязан потрепанный золотой шнурок, сильно потускневший.

Он протянул ее мне. Я внимательно осмотрел вещь. — Но если эту палку украли, — сказал я, — вы же не настолько безрассудны, чтобы таскать ее с собой? Это же верная смерть, если они узнают. — Если бы все было гладко и не было риска, я бы не стал платить вам двадцать тысяч за компанию, — ответил он. — Я беру вас с собой именно потому, что риск огромен, и мне нужна помощь, хотя я сильно сомневаюсь, что мы вообще выберемся живыми. Я намерен узнать их секрет, и я намерен использовать эту палку, которая, несомненно, является ключом к какой-то силе. Если вы испугались, услышав все это, я освобождаю вас от обещания. Можете уйти, пока не поздно. — У меня и в мыслях не было отступать, — ответил я. — Не знаю, храбрее ли я прочих, но если вы идете — я иду с вами. — Вот и славно, — он крепко пожал мне руку. — Договор скреплен. — Что теперь? — спросил я. — С чего начинаем? — Для начала, — сказал Никола, — я жду человека из Пекина. Это один из мирян ордена, попавший под мое влияние. Как только он появится и расскажет все, что знает, мы переоденемся: я — в чиновника одной из приморских провинций, вы — в моего секретаря. И вместе двинем в столицу. Там мы проникнем в ламаистский монастырь — самую антиевропейскую обитель во всем Китае — и вытрясем из главного жреца сведения для следующего шага. А дальше — по обстоятельствам. — Когда выдвигаемся? — Как только прибудет человек. Возможно, сегодня ночью. Скорее всего, завтра утром. — А как насчет маскировки? — У меня есть все необходимое. — В таком случае, полагаю, нам остается только ждать гонца? — Именно. — Тогда, с вашего позволения, я пожелаю вам доброй ночи и пойду спать. Если я не услышу вас сегодня, во сколько мне прийти завтра? — Я дам знать до завтрака, без опозданий.

Я пожал ему руку и вышел на веранду, а оттуда — из бунгало.

Я не успел отойти и полусотни шагов от ворот, как что-то заставило меня обернуться. Какой-то человек сидел в тени на другой стороне улицы. Теперь он встал и пошел за мной. Я был уверен, что это тот же тип, что шел за мной к Макэндрю. Я свернул направо, в переулок,

проверить, пойдет ли он за мной — он свернул. Я свернул еще раз — он сделал то же самое. Я пошел через пустырь вместо того, чтобы держаться прямой дороги — он повторил мой маневр. На углу участка стоял высокий забор. Я ускорил шаг и, обогнув угол, пошел вдоль частокола к воротам. Проскочив в них, я тут же присел в тени. Полминуты спустя я услышал, как он идет по ту сторону. Не увидев меня впереди, он остановился в паре шагов от того места, где я затаился. Решив, что я перебежал дорогу и ушел в темный проулок напротив, он тоже пересек улицу и через пару секунд скрылся из виду.

Убедившись, что я от него избавился, я снова вышел на улицу и поспешил домой.

Но от таинственного преследователя мне избавиться не удалось. Как только я собрался войти в свой двор, он снова возник из темноты. Поняв, что у меня фора, я взлетел по ступеням веранды и ввалился внутрь. Из окна я видел, как он прошел по улице и остановился, оглядываясь. Затем он вернулся тем же путем, и больше я его не видел. Не прошло и четверти часа с момента его ухода, как я был в постели и спал, видя во сне Никола и то, как он превращает меня в слона своими дьявольскими чарами.

Не знаю, сколько я проспал, но внезапно я проснулся от чувства, что в комнате кто-то есть. И я не ошибся. У моей кровати сидел человек, и в тусклом лунном свете я разглядел, что это китаец.

— Что тебе здесь нужно? — крикнул я, садясь в постели.

— Тсс! Молчи, — прошептал мой гость по-китайски. — Будешь молчать — будешь жить. Откроешь рот — сдохнешь.

Не говоря ни слова, я сунул руку под подушку, чтобы достать револьвер, который положил туда, ложась. Но его не было. Украл ли его посетитель, или мне только казалось, что я его туда клал, и я забыл это сделать — понять было невозможно. В любом случае, оружие, на которое была вся надежда, исчезло.

— Что тебе нужно? — спросил я, решив сразу взять быка за рога, но не повышая голоса.

— Тише, — ответил он. — Меня прислал доктор Никола. Он просит оказать ему честь своим присутствием. Он желает, чтобы вы пришли к нему немедленно.

— Но я только что от него ушел, — сказал я. — Зачем он зовет меня снова?

— Не могу знать, но по его виду я понял, что случилось что-то важное, — был ответ.

— Он велел передать: приходите немедленно.

С этим я встал и оделся так быстро, как только мог. Ожидаемый гонец из Пекина, видимо, прибыл, и теперь мы, скорее всего, выдвинемся в столицу еще до рассвета. Я не терял ни секунды, оделся в считаные минуты и, как только был готов, вышел на веранду, где ждал мой провожатый. Он провел меня через двор на улицу, где уже стояла носилка с носильщиками.

— Ваш друг торопится, — сказал человек, приславший меня, в качестве пояснения.

— И велел не терять ни минуты.

— Что ж, идите так быстро, как хотите, — сказал я. — Я готов.

Я занял место в носилках, их тут же подняли, и не прошло и минуты с момента выхода из дома, как мы уже двигались по улице довольно быстрым шагом. В этот час город был мертв — кроме случайного сикха-полицейского или припозднившегося рикши, мы не встретили никого. Через четверть часа носилки остановились. Носильщики опустили меня на землю. Я выпрыгнул и огляделся. К моему удивлению, это был не тот дом, который я ожидал увидеть. Мы остановились у входа в куда более просторное бунгало, стоявшее в приличном дворе. Пока я ждал, мой посланник вошел в дом, чтобы вскоре вернуться с известием, что доктор Никола примет меня немедленно.

Дом был погружен в полную темноту и тишину, как могила. Я прошел в главный зал и уже собирался двинуться по нему к двери в дальнем конце, как вдруг меня схватили сзади. В рот вбили кляп, а руки скрутили за спиной. В следующий миг меня подняли в воздух и понесли в комнату, откуда внезапно хлынул яркий свет. Здесь сидели трое китайцев в тяжелых узорчатых

шелках, с огромными черепаховыми очками на носах. Они встретили меня глухим ворчанием и велели моим тюремщикам вынуть кляп. Когда это было сделано, старший из троицы тихо сказал:

— Надеемся, вы в добром здравии?

Я ответил, сохраняя столько хладнокровия, сколько можно выказать при таких обстоятельствах, что я чувствую себя превосходно. После чего меня попросили объяснить, как я оказался в Китае и каково мое здесь дело. Затем человек справа подался чуть вперед и сказал:

— Вы говорите нам не всю правду. Какое у вас дело к доктору Никола?

Я собрал в кулак все свое остроумие.

— А кто такой доктор Никола? — спросил я.

— Человек, которого вы навещали две ночи подряд, — сказал тот, что заговорил первым. — Рассказывайте, какие пакости вы с ним замышляете.

Понимая, что отпираться бессмысленно, я намекнул, что мы с Никола интересуемся покупкой китайского шелка, но это заявление встретили презрительным фырканьем.

— Нам нужна правда, — сказал человек в самых больших очках.

— Мне больше нечего добавить, — ответил я.

— Тогда у нас не останется выбора, — сказал он, — кроме как добыть сведения иными способами.

Он сделал знак одному из слуг, который тут же вышел и через минуту вернулся с мотком цепи и какими-то странными деревянными брусьями. На лбу у меня выступил холодный пот. Я видел достаточно китайских пыток, и теперь, похоже, мне предстояло попробовать их на себе.

— Что вы знаете о докторе Никола? — повторил старший, который явно был у них за главного.

— Ничего сверх того, что я уже сказал, — повторил я, на этот раз с особым нажимом.

Он снова задал тот же вопрос, не меняя тона. Но я лишь повторил прежний ответ.

— В последний раз: что вы знаете о докторе Никола?

— Я рассказал вам все, что знаю, — ответил я, чувствуя, как сердце ухнуло куда-то вниз. Тогда он чуть приподнял руку и сделал знак людям у двери. В тот же миг меня схватили и швырнули на спину на пол. Не успел я возразить или дернуться, как на шею мне надели странный деревянный ошейник и закрутили винт, пока я чуть не задохнулся. Снова раздался тот же монотонный голос:

— Что вы знаете о докторе Никола?

Я попытался повторить прежнее "ничего не знаю", но говорить было трудно. Тогда человек в центре встал и подошел ко мне; ошейник тут же ослабили, с рук сняли путы, и голос произнес:

— Вставайте, мистер Брюс, вам больше нечего бояться, мы не причиним вам вреда.

Это был доктор Никола!

ГЛАВА IV. МЫ ВЫСТУПАЕМ В ТЯНЬЦЗИНЬ

Я с трудом верил собственным глазам. Грим Никола был настолько совершенен, что раскусить его можно было бы только при сверхъестественной проницательности. В каждом движении он был безупречным китайцем. Акцент — без сучка без задоринки, манеры — в точности как у высокородного цинского чиновника. Я понял: если он так легко обвел вокруг пальца меня, то пройдет любую проверку. Как только я осознал, что мы среди своих и меня не будут пытать, я вскочил на ноги и от души поздравил его, испытывая немалое облегчение.

— Что скажете о моем наряде? — спросил Никола. — Безупречно, — ответил я. — При вашей-то внешности я и представить не мог, что это сработает. Но где мы? — В доме, который я снял на время, — сказал Никола. — А теперь к делу. Человек, которого вы видели справа — Лаохван. Тот самый, кого я ждал из Пекина. Он прибыл через полчаса после вашего ухода, дал мне нужные сведения, и теперь мы готовы выступать, как только будете готовы вы. — Позвольте мне зайти домой и собрать пару вещей, — ответил я. — И я ваш. — Разумеется, — кивнул Никола. — Один из моих слуг пойдет с вами, чтобы донести сумку и вернуть вас сюда, как только закончите.

С этим слугой я отправился в свое жилище. Оставив его ждать на улице, я влез в спальню через окно. Свалив в саквояж немногочисленные пожитки, я запер сундуки, написал записку домовладельцу с вложением долга, а затем — Баркстону, прося его забрать мои вещи на хранение, пока я не вернусь из поездки вглубь страны. Сделав это, я вышел через дверь, присоединился к слуге у ворот и вернулся в бунгало, где Никола накануне так ловко меня разыграл. Было около полуночи, но об усталости я и не думал. Азарт нашего выступления заглушал все остальное. Мы ныряли в неизвестность, кишащую опасностями, и хотя я не разделял веры Никола в успех, я точно знал: риск будет оплачен.

Войдя в дом, я нашел нанимателя в той самой комнате, где вечером разыграл сцену с пытками. Он все еще был в китайском платье, и, глядя на него, я снова с трудом верил, что этот дородный, степенный китаец — тот самый сухопарый европеец, доктор Никола. — Вы недолго, мистер Брюс, — сказал он. — И я рад. Теперь, если вы пройдете со мной в соседнюю комнату, я познакомлю вас с вашими вещами. Я купил все, что вам может понадобиться, и, зная ваши таланты к маскировке, ни капли не сомневаюсь в результате.

Поблагодарив его за доброе мнение, я сбросил европейское тряпье и принялся натягивать то, что было разложено для осмотра. Затем, с помощью какой-то смеси из пузырька, который протянул мне Никола, я выкрасил лицо, шею и руки. Косу, сделанную на хитроумном монтюре, прикрепили на затылок, на нос водрузили огромные черепаховые очки — точь-в-точь как у самого Никола. На ногах — сандалии, на голове — жесткий круглый головной убор обычного китайского фасона. В сочетании с толстым халатом из желтого шелка вид у меня стал весьма дородный и солидный. Когда Никола вернулся, он внимательно осмотрел меня и выразил крайнее удовольствие; когда мы поприветствовали друг друга на китайский манер и на их языке, только очень зоркий глаз мог бы заподозрить неладное.

— Теперь, — сказал Никола, — если вы готовы, проверим эффективность наших личин. Сейчас без четверти двенадцать. У некоего Ло Тина в полночь собрание. Там будут члены тайного общества, цель которого — свержение маньчжурской династии. Лаохван уже там, он член общества, он доложит о прибытии двух почтенных купцов из внутренних провинций, которые тоже состоят в ордене. У меня есть пароли и общее представление об их целях. С вашего позволения, мы выступаем немедленно. По дороге я объясню детали. — Но вы ведь не собираетесь проникать в тайное общество сегодня ночью? — сказал я, пораженный хладнокровием, с которым он шел на такой чудовищный риск. — Не разумнее ли подождать, пока мы привыкнем к платьям? — Ни в коем случае, — отрезал Никола. — Это отличная проверка. Если нас

раскусят те, кого мы увидим сегодня, мы поймем, где ошибка, вернемся и исправим ее, пока не поздно. Если проскочим — добудем важные сведения и, что не менее важно, обретем уверенность в своих силах. Идемте.

Он прошел в коридор и вывел нас через дом во двор, где уже ждали два паланкина с носильщиками. Мы забрались внутрь и с важным видом поплыли по улице.

Минут через двадцать носильщики остановились. Мы вышли, и когда кули исчезли, Никола шепнул по-китайски, что пароль — "Свобода", и при его произнесении нужно вложить пальцы правой руки в ладонь левой. Если спросят — отвечать, полагаясь на природную смекалку.

Мы подошли к двери в глухом переулке. Я заметил, что Никола постучал в нее дважды большим перстнем на указательном пальце правой руки. В ответ в маленькой решетке показался глаз, и голос изнутри спросил по-китайски: — Кто беспокоит честных людей в такой неурочный час? — Два купца из Сычуани, прибывшие в Шанхай в поисках свободы, — сказал мой спутник, вскинув руки описанным выше образом.

Дверь тут же открылась. Я последовал за Никола внутрь. Проход был в кромешной тьме и ужасающе душный. Как только мы вошли, внешние ворота захлопнулись, и нам велели идти прямо. Мгновение спустя дверь в дальнем конце открылась, хлынул яркий свет. Наш проводник жестом велел войти, и мы, приняв смиренный вид и сложив руки предписанным образом, ступили в большую комнату, где сидело человек двадцать. Без единого слова мы пересекли зал и заняли место на некоем подобии дивана в дальнем конце. Нам подали трубки, и, наверное, минут пять мы продолжали торжественно пускать дым, не проронив в комнате ни звука. Не скажу, что чувствовал себя уютно во время этой долгой тишины, но, клянусь, я не позволил ни тени смущения отразиться на лице. Затем пожилой китаец, сидевший чуть правее нас и, без сомнения, бывший здесь главным, повернулся к Никола и задал вопрос о цели его визита в Шанхай. Никола ответил медленно и важно, на китайский манер, открещиваясь от личной выгоды и утверждая, что прибыл сюда лишь ради чести побывать в Шанхае. Когда он закончил, тот же вопрос задали мне. Я ответил в том же духе, и снова повисла тишина. Лишь спустя полчаса кто-то попытался перейти к делу. Тут начался такой гвалт, что я едва мог разобрать слова. Никола был на переднем плане: он изобретал заговоры для свержения династий, теоретически убивал высокопоставленных лиц и, что самое главное, избавлялся от тел; в своем рвении он перещеголял бы самого Ирода. Не прошло и часа, как он возглавил собрание и мог бы получить от присутствующих все, что захочет. Я старался подыгрывать, но моя помощь почти не требовалась. Было уже за три часа ночи, когда собрание распалось. Люди выходили по одному, пока не остались только Лаохван, старик, первым обратившийся к нам, Никола и я.

Тут Никола, с бесконечным тактом, мало-помалу перевел разговор в нужное ему русло. Как он узнал, что старик что-то знает о деле — выше моего понимания. Но тот явно что-то знал, и при должном нажиме был готов поделиться. — Но эти вещи не для всех, — сказал он после краткого пересказа услышанных баек. — Если мой почтенный друг послушает того, кто годится ему в отцы, он не станет пытаться проникнуть дальше. — Море знаний открыто для всех, кто умеет плавать, — ответил Никола, важно попыхивая трубкой. — Я слышал эти байки часто и хочу убедиться в их правде. Можете помочь мне в изысканиях? Это ради света небес.

С этими словами он достал из внутреннего кармана халата ту самую палку, что забрал у Уэзерелла. Едва старик увидел ее, как его поведение изменилось: он пал на колени у ног Никола и взмолился о прощении. — Если бы мой господин заговорил раньше, — пролепетал он, — я бы ответил правду. Все, что у меня есть — ваше. — Мне ничего не нужно, — сказал Никола, — кроме следующего шага. Я должен получить его немедленно. — Мой господин будет повиноваться мгновенно, — сказал старик. — Хорошо, — кивнул Никола. — Пусть не будет задержки, и пусть ни одно слово не сорвется с ваших губ. Отправьте это нашему другу Лаохвану, он принесет мне.

Сказав это, он поднялся, и через пять минут мы снова сидели в своих паланкинах, плывя по улице. Когда мы добрались до дома, откуда начали путь, Никола позвал меня в комнату, где мы переодевались. — Теперь вы видели силу этой палки, — сказал он. — Это Лаохван выяснил, что тот человек — член общества. Вся эта болтовня о свержении маньчжуров — чушь, отчасти правда, но в основном — обман. Теперь, если все пойдет гладко, старик откроет нам первую дверь, и мы сможем двигаться дальше. Давайте сменим одежду и вернемся в мой дом. Если я не ошибаюсь, нам придется отчаливать вверх по побережью еще до завтрака.

С этим мы принялись за работу, и когда снова оказались в европейском платье, покинули дом и вернулись в бунгало, где я впервые посетил Никола. К этому времени уже брезжил рассвет, и на улицах уже чувствовалось движение. Пробравшись в дом, мы прошли прямиком в кабинет Никола, где слуги уже накрыли нам стол. Мы сели и уже принялись за холодный пирог, когда мальчик доложил, что в холле китаец, желающий нас видеть. Это был Лаохван. — Ну, — сказал Никола, — какое послание шлет старик?

В ответ Лаохван, не щедрый на слова, достал из рукава большую карточку с китайскими иероглифами. Никола взглянул на нее, уяснил смысл и протянул карту мне через стол. Там было написано:

"В доме Цун Слая, на улице Ста Мук, Тяньцзинь".

И это все.

Никола повернулся к Лаохвану. — В какое время отходит французский пароход? — В половине седьмого, — мгновенно ответил Лаохван.

Никола взглянул на часы, подумал и сказал: — Иди вперед. Возьми билет и поднимайся на борт как можно скорее. Мы присоединимся позже. Но помни: до самого Тяньцзиня ты нас никогда не видел.

Лаохван поклонился и вышел. — С этого момента, — сказал Никола, наливая себе чашку черного кофе, — начинается настоящее приключение. Сейчас без четверти пять; мы отдохнем полчаса и двинем в порт.

Мы закончили еду, уселись в кресла и закурили. Полчаса мы обсуждали события вечера и, ровно в четверть шестого, поднялись. Никола позвонил. Вошел его главный слуга. — Я уезжаю, — сказал Никола. — Скорее всего, вы не увидите моего лица еще год. Тем временем берегите этот дом; не дайте украсть ни одной вещи; а если, вернувшись, я найду разбитое окно или пропавшую булавку, я нашлю на вас десять миллионов дьяволов. Вы меня поняли?

Слуга посмотрел ему в лицо и кивнул. — Хорошо, — сказал Никола. — Можешь идти.

Когда слуга вышел, мой странный друг издал странный свист. В следующий миг черный кот вбежал трусцой, запрыгнул на колени хозяина и пополз на плечо. Никола посмотрел на меня и улыбнулся. — Какая жена была бы столь верна? — сказал он.

Я рассмеялся; мысль о Никола и браке как-то не вязалась. Он спустил кота на стол. — Аполлион, — сказал он с единственной ноткой сожаления, которую я видел в нем за всю поездку, — нам придется расстаться на год. Прощай, старый кот, прощай.

Погладив зверя еще пару раз, он резко повернулся ко мне. — Идемте, — сказал он. — Время не ждет.

Кот сидел на столе, глядя на него и, казалось, понимая каждое слово. Никола в последний раз погладил его шерсть и вышел из комнаты. Я последовал за ним, и вместе мы вышли во двор. К этому времени улицы были запружены. Начинался новый день в Шанхае, и мы без труда добыли рикш. — "Вектис Куин", — сказал Никола, как только мы сели. Рикши тут же сорвались с места, и меньше чем через четверть часа мы были у пристани на реке Хуанпу. Пароход, который мы искали, стоял далеко на течении, поэтому нам пришлось нанять сампан.

Поднявшись на борт, мы переговорили с помпой, заплатили за проезд и получили свои каюты. "Вектис Куин", как знает весь Восток, невелик, и удобства там, мягко говоря, ограничены. Но в это время года пассажиров было немного, так что нас не затолкали. Как только я

разобрал багаж, я оставил каюту и вышел на палубу. Мир тесен! Едва я сошел с трапа, как меня окликнул человек, которого я ожидал увидеть на другом конце света. — Уилфред Брюс! — воскликнул он. — Кого я вижу!

Я обернулся и увидел перед собой не кого иного, как Джеймса Даунинга, с которым мы были хорошо знакомы по австралийскому прибрежному пароходству. — Как давно ты здесь? — спросил я, не слишком обрадованный встречей. — Скоро год, — ответил он. — Пришел сюда на одном из наших пароходов, повздорил со шкипером и бросил его в Гонконге. После этого нанялся на эту линию. Хотя я невысокого мнения о китайцах, я вполне доволен. А ты выглядишь неплохо, старина, но загорел до черноты с тех пор, как я тебя видел. — Это от избытка риса, — усмехнулся я.

Он рассмеялся с той непосредственной веселостью, что готова веселиться чему угодно, и мы пошли по палубе вместе. Когда мы повернули обратно, из люка появился Никола. Я познакомил его с Даунингом, и через пять минут можно было подумать, что они друзья детства. Не прошло и четверти часа, как Никола выписал ему рецепт от потницы, от которой Даунинг сильно страдал, и когда средство помогло, благодарность и восхищение молодого человека не знали границ. К завтраку мы уже шли вниз по реке, а к полудню Шанхай остался далеко позади.

Всю дорогу Никола был в ударе: он участвовал во всех развлечениях, организовывал бесчисленные игры и был неутомим в своих стараниях развлечь публику. И, раз уж я об этом заговорю, скажу: одно в этом человеке поражало меня больше всего прочего — его крайняя любовь к детям. Был там один малыш, едва четырех лет, с которым Никола сошелся накоротке; он играл с ним часами, не уставая и ни на секунду не отвлекаясь. Я должен признаться, когда я видел, как они возятся под защитой одной из лодок на прогулочной палубе, на люках или под тентом на корме, я не верил своим глазам. Мне приходилось спрашивать себя: неужели этот человек, чей интерес, казалось, был целиком поглощен бумажными корабликами и свинками из апельсиновых корок, — тот самый Никола, от которого бежал в Лондоне Уэзерелл, и при виде которого Бенуэлл из китайской таможни извинялся и вылетал из шанхайского клуба? Впрочем, таков был стиль Никола. Если он делал бумажный кораблик или вырезал свинку, плел интригу вокруг политика или пытался украсть секрет всемогущего ордена — он отдавал делу все внимание, вникал в каждую деталь и не бросал его, пока не добивался цели или не убеждался, что работать дальше бесполезно.

Лаохван, хоть мы и видели его часто, ни разу не дал понять, что знает нас. Он сидел на носовой палубе и, насколько мы могли судить, все время играл в фаньтан с полудюжиной соотечественников на крышке носового люка.

Плавание вдоль побережья не назовешь захватывающим, но наконец, на закате одного из вечеров, мы достигли Тяньцзиня — как всем известно, это открытый порт в месте слияния Великого канала и реки Байхэ. Как только мы пришвартовались к пристани, мы забрали багаж и сошли на берег. Здесь меня ждало еще одно наблюдение. Никола знал это место так же хорошо, как и все остальные, и едва мы ступили на Бунд, он кликнул рикш и велел везти нас без промедления к некоему мистеру Уильямсу в европейской концессии.

Это оказался дом скромных размеров, построенный в обычном для тех мест стиле. Как только мы сошли с рикш, на веранду вышел высокий пожилой мужчина с весьма благородными чертами лица. Увидев Никола, он на мгновение, казалось, лишился дара речи. — Возможно ли, что я вижу доктора Никола? — воскликнул он. — Не только возможно, но и совершенно точно, — сказал Никола, кивком велев кули забрать его сумку, и поднялся по ступеням. — Прошло два года с тех пор, как я имел удовольствие видеть вас, мистер Уильямс, и, глядя на вас сейчас, я вижу, что вы совсем не изменились с тех пор, как мы преподали урок Ма Фэну в Сеуле. — Вы не забыли то дело, доктор Никола? — Не больше, чем Ма Фэн, — ответил мой спутник с коротким смешком. — И чем я могу помочь вам теперь? — Я хочу, чтобы вы позволили нам злоупотребить вашим гостеприимством на пару часов, — сказал Никола. —

Это мой друг мистер Брюс, с которым я занят важным делом. — Рад знакомству, сэр, — сказал мистер Уильямс, пожав нам руки, и проводил в дом.

Десять минут спустя мы чувствовали себя в его резиденции как дома и ждали, я — с нетерпением, вестей от Лаохвана. И здесь я должен отдать еще одну дань умению Никола концентрироваться. Каким бы тревожным ни было время, каким бы шатким ни было наше положение, он не тратил ни секунды на праздные догадки, а, достав из саквояжа заумный труд по химии, который был его неизменным спутником, уселся за его изучение; даже когда пришел вестник, он не остановился сразу, а довел расчеты до конца, и лишь потом велел Лаохвану доложить о достигнутом прогрессе. — Вас ждут, — сказал Лаохван. — И хотя я не был в доме, я узнал, что для вас готовят прием. — В таком случае купите лошадей и держите людей наготове, ибо, скорее всего, завтра утром мы выедем в Пекин. — В какое время ваше превосходительство посетит дом? — спросил Лаохван. — Между половиной одиннадцатого и одиннадцатью вечера, — ответил Никола, после чего наш верный слуга удалился.

В семь часов нам подали ужин. После того как мы поели, я выкурил трубку в одиночестве, пока Никола на полчаса удалился в соседнюю комнату для серьезного разговора с хозяином. Вернувшись, он сообщил, что нам пора одеваться, и мы разошлись по своим комнатам, облачившись в китайские костюмы. Сделав это, мы вышли через боковую дверь и направились в китайский город. Мы добрались туда только к половине одиннадцатого, но предпочли заставить ожидающих нас ждать, чем выдать хоть тень спешки.

Любой, кто бывал в Тяньцзине, подтвердит мне: из всех грязных и чумных дыр на этой земле найдется немного равных ему, и уж точно ни одной, способной его превзойти. Узкие, кривые улочки, едва шире английской проселочной дороги, петляют во всех направлениях. Навесы вторых этажей, увешанные вывесками, флажками и вымпелами, почти касаются друг друга, так что даже среди бела дня там царит полумрак. Ночью, как нетрудно догадаться, — кромешная тьма. И днем, и ночью там воняет невыносимо.

Доехав до конца улицы, куда нас направили, мы оставили повозки и пошли дальше пешком. На полпути по этой конкретной улице — она была чуть шире и, безусловно, приличнее соседей — нас встретил Лаохван, который проводил нас к дому, который мы искали.

Снаружи он ничем не отличался от прочих: одноэтажный, с большими нависающими карнизами, верандой, затянутой решеткой, и низкой сводчатой дверью. Наш китаец постучал в нее кулаком, и на третий раз дверь открылась. Лаохван что-то тихо сказал привратнику, и тот, отвесив множество поклонов, впустил нас. — Есть только одно солнце, — смиренно сказал страж ворот. — Но звезд много, — ответил Никола, после чего человек провел нас до второй двери в коридоре. Подойдя к ней, он постучал особым образом. Дверь тут же открылась, и мы шагнули внутрь. Там стоял человек с причудливым фонарем в руке. Увидев нас, он жестом велел следовать за ним, что мы и сделали, вниз по длинному коридору, пока наконец не уперлись в занавешенный арочный проем. Отдернув занавес, он велел нам пройти, а затем задернул его за нами.

По ту сторону арки мы оказались в большой темной комнате, пол, стены и потолок которой были из какого-то дерева, поразительно похожего на тик. Она была пуста, если не считать нескольких свитков со знаменами, развешанных на стенах через равные промежутки, и нескольких подушек в углу. Когда мы вошли, она была безлюдна, но нам недолго пришлось ждать в одиночестве. Я повернулся, чтобы заговорить с Никола, изучавшим знамя на левой стене, как вдруг тихий звук шагов за спиной привлек мое внимание. Я резко обернулся и увидел перед собой китайца, которому на вид было не меньше восьмидесяти лет. Лицо его было морщинистым, как у сушеного краба, волосы почти белые, и я заметил, что он ходит с палкой. Одна вещь в его облике показалась мне очень странной. Хотя дом, в котором мы находились, был отнюдь не мал и свидетельствовал о заботе, а местами — даже о немалом богатстве владельца, этот старик, несомненно, главное лицо здесь, был одет в лохмотья, выдававшие край-

нюю нищету. Подойдя к Никола, которого он, как и все прочие, считал главой нашей группы, он низко поклонился и сказал: — Ваше превосходительство с нетерпением ожидали. Все приготовления для вашего дальнейшего пути были сделаны на этой неделе.

— Очень хорошо, — сказал Никола.

— И что сделано? — Вести отправлены в Пекин, — сказал старик, — и главный жрец будет ждать вас в ламаистском монастыре. Я не могу сказать больше.

— А теперь скажите, что было сказано о моем приходе.

— Говорят, что выбравшие, выбрали мудро.

— Это хорошо; я доволен, — сказал Никола. — А теперь оставьте нас; я устал и хочу побыть один. Я переночую в этом доме и двинусь дальше на рассвете. Проследите, чтобы меня не беспокоили.

Старик заверил Никола, что его желания будут исполнены, и, сделав это, вышел из комнаты. Когда он скрылся, Никола увлек меня в дальний конец комнаты и торопливо зашептал: — Теперь я вижу все. Удача сама идет в руки. Если я заполучу двух людей, которые нужны мне, чтобы провести это дело, я узнаю секрет ордена или умру в попытке. Слушайте меня. Когда мы прибыли сегодня вечером, я узнал от Уильямса, который знает подпольный Китай почти так же хорошо, как и я, что то, чего я опасался, произошло. После долгого перерыва состоялись выборы на место того человека, которого Китаец Пит убил в ламаистском монастыре, чтобы заполучить палку. Избранный — главный жрец ламаистского храма в Ханькоу, человек крайне набожный и необыкновенный. Его ждут в Пекине на этой или следующей неделе. Эти люди приняли меня за него, и я намерен, чтобы они продолжали так думать. Если они поймут, что мы водим их за нос, мы — мертвецы в ту же секунду. Но если нет, и мы сможем не пустить сюда того другого человека, у нас отличный шанс получить от них все, что нам нужно знать. Такой шанс может не выпасть больше никогда, так что мы должны использовать его по максимуму. Теперь слушай внимательно. Мне нельзя покидать это место сегодня ночью, но мне жизненно необходимо связаться с Уильямсом. Я должен написать ему письмо, и ты должен его отнести. Он должен отправить две телеграммы без малейшего промедления.

С этими словами он достал из рукава маленькую записную книжку и, что показалось мне самым неуместным, американскую самописку. Устроившись на полу, он начал писать. Почти пять минут в комнате стояла полная тишина, затем он вырвал два или три листка и протянул их мне. — Отнеси это Уильямсу, — сказал он. — Он должен выяснить, где находится этот другой человек, не теряя ни секунды, и связаться с людьми, которым я даю телеграмму. Что бы ни случилось, они должны поймать его до того, как он доберется сюда, и вывезти в море. Оказавшись там, его не должны пускать на берег, пока мы с вами благополучно не вернемся в Шанхай. — А кому Уильямс должен телеграфировать? — Двум людям, в которых я больше всего уверен. Одного зовут Иствуд, другого — Прендергаст. Он отправит им вот это.

Он протянул мне еще одну бумажку.

"Прендергасту, через Грегсона, Гонконг — Прибывайте в Тяньцзинь следующим пароходом. Не медлите ни минуты. По прибытии немедленно явитесь к Уильямсу..."

ГЛАВА V. Я СПАСАЮ МОЛОДУЮ ДАМУ

Оставив комнату, где обосновался Никола, я оказался в коридоре, где меня тут же окликнул тот же привратник, что впустил нас в дом. Он проводил меня на улицу. Едва я вышел, как понял, что погода испортилась. Когда мы покидали дом Уильямса, небо было ясным, теперь же его затянули тяжелые черные тучи. Едва я прошел по улице в сторону европейской концессии, как над головой прогрохотал раскат грома. Было около одиннадцати, и, как я не мог не заметить, на туземной части города царила странная тишина. В китайцах, попадавшихся мне навстречу, чувствовалось какое-то подавленное возбуждение, и обрывки фраз, которые я успевал подслушать на перекрестках, только подтверждали мою догадку: готовится заварушка. Впрочем, у меня не было времени обращать на них внимание. Мне нужно было найти дом Уильямса, отдать письмо и вернуться к Никола как можно скорее.

Наконец я добрался до концессии, миновал консульство и подошел к бунгало, которое искал. Из одного окна лился яркий свет, на него я и направился. Подойдя, я увидел хозяина дома за большим столом — он что-то писал. Я тихо постучал в стекло. Он встал и подошел к окну. То, что он меня не узнал, было видно по его приему.

— Что нужно? — спросил он по-китайски, открывая створку.

Наклонившись к его уху, я прошептал фразу: — Я хотел бы задать вашему высокопревосходительству один простой вопрос.

— Сейчас не время для вопросов, какими бы простыми они ни были, — отрезал он. — Приходите утром.

— Но утро будет слишком поздно, — настойчиво ответил я. — Клянусь духами ваших предков, то, что я должен сказать, нужно сказать сегодня ночью.

— Тогда заходите, ради бога, и говорите, — немного раздраженно бросил он и поманил меня в комнату. Я повиновался и сел на табурет перед ним, прикрыв руки рукавами халата, как того требует этикет. Помня о китайской любви к проволочкам, я начал водить разговор кругами, пока не увидел, что его терпение на исходе. И все же он меня не узнавал. Тогда я подался к нему и сказал: — Вы в курсе, мистер Уильямс, что за вашим домом следят с самого заката?

— Кто и зачем? — спросил он, и мне показалось, что он слегка занервничал.

— Трое мужчин. Из-за двух чужаков, прибывших сегодня дневным почтовым.

— Какие чужаки? — спросил он с невинным видом. Но я заметил, что он смотрит на меня куда пристальнее, чем раньше.

— Человек, которого мы зовем "Дьявольские глаза" — а вы зовете Никола — и его спутник.

Я произнес имя Никола так, как его выговорил бы китаец, и стал ждать, что он скажет. Было видно, что он выбит из колеи, но сдаваться не хотел. Он попытался тянуть время, но мне это было не по вкусу, и я раскрыл карты, сказав своим обычным голосом по-английски: — Кажется, мой грим очень хорош, мистер Уильямс.

Он уставился на меня. — Неужели вы мистер Брюс?

— Я, — ответил я. — И, более того, я здесь по важному делу. Я принес вам письмо от Никола, которое вы должны прочитать и действовать немедленно.

С этими словами я достал из рукава письмо, которое дал мне Никола, и протянул ему. Он снова сел за стол и внимательно изучил его. Прочитав один раз, он прочел его снова, потом в третий. Выучив наизусть, он встал, прошел в угол к сейфу. Отпер его, открыл ящик и аккуратно положил записку внутрь. Затем вернулся и занял прежнее место. Я заметил, что его лоб нахмурен от раздумий, а в уголках рта застыло выражение растерянности, почти сомнения.

Наконец он заговорил. — Я знаю, что вы в курсе большинства дел Никола, мистер Брюс, но вы в курсе содержимого этого письма?

— Оно касается человека, которого ждут в Пекине, чтобы вручить ему третью палку в обществе?

— Да, — медленно ответил он, тыкая пером в бювар. — И касается его очень жизненно.

— Вы обдумываете, стоит ли делать то, что советует Никола — похитить его, я полагаю?

— Именно. Осведомлен ли Никола, как вы думаете, что человек, о котором идет речь, был главным жрецом одного из крупнейших храмов в Ханькоу?

— Я уверен, что да. Но вы говорите "был". Он что, сложил сан, чтобы принять это новое призвание?

— Полагаю, что да.

— Что ж, в таком случае трудность, кажется, значительно уменьшилась.

— В одном направлении, пожалуй; но в другом — возросла. Если он все еще жрец, и мы его похитим — мы воюем с Правительством и Церковью. С другой стороны, если он больше не жрец, и малейшее подозрение о наших планах просочится наружу — нам придется драться с обществом, которое в десять раз могущественнее любого правительства или духовенства в мире.

— У вас есть инструкции Никола?

— Да, и признаюсь, я скорее сцеплюсь с Правительством Китая и миллионами этого общества, чем ослушаюсь его в одной-единственной детали. Но послушайте, мистер Брюс: если Никола упрется и продолжит свой квест перед лицом этой жуткой неопределенности, я не дам и ломаного гроша за его жизнь или за жизнь того, кто с ним. Подумайте хоть секунду, что я имею в виду. Это общество, в тайны которого он так рвется — и только он знает, насколько лучше ему станет, когда он туда проникнет — без сомнения, самое могущественное во всем мире. Если верить слухам, в нем состоит больше двадцати миллионов. У него есть представители почти в каждом городе и деревне на всем протяжении этой огромной земли, не говоря уже о Малайзии, Австралии и Америке; его правила жесточайшие, и когда вы на секунду задумаетесь, что наш друг собирается выдать себя за одного из трех вождей этой гигантской силы, рискуя быть раскрытым на каждом шагу, вы сами поймете, какое это безрассудное предприятие.

— Должен признать, я согласен с вами, но все же — это Никола.

— Да. В этом вы подытожили все. Он НИКОЛА.

— Так что мне ему передать?

— Что я приступаю к делу немедленно. Стойте, я запишу это, чтобы не было ошибки.

С этими словами он написал пару строк и протянул мне листок.

Я встал.

— А как насчет тех телеграмм? — спросил я.

— Я отправлю их сам в ту же секунду, как откроется контора, — ответил он. — Я дал Никола гарантию в этом в своем письме.

— Мы выезжаем на рассвете в Пекин, так что я пожелаю вам доброй ночи сейчас.

— У вас и в мыслях нет повернуть назад, полагаю?

— Ни малейшей.

— Вы храбрый человек.

— Полагаю, я должен им быть. Но есть старая поговорка, которая как раз про меня.

— Какая же?

— "Нужда заставит, когда..."

— Ну, скажем, когда Никола...

— Да. "Нужда заставит, когда Никола погонит". Прощайте.

— Прощайте, и пусть удача будет с вами.

Я пожал ему руку на пороге, спустился по ступеням и направился обратно в китайский город. Как только я вышел из переулка, где стоял бунгало, часы пробили двенадцать. Тучи, которые давили на небо, когда я выходил, рассеялись, и снова ярко светили звезды.

Как только я вошел в пределы города, мое первое впечатление подтвердило мое первоначальное чувство: что-то неординарное вот-вот должно было произойти. И я не ошибся. Не успел я пройти и сотни ярдов, как до меня донесся гул разъяренных голосов. Звук нарастал, и вскоре возбужденная толпа вывалилась на улицу, по которой я шел. Если бы была возможность, я бы свернул в переулок и ушел от них, но теперь это было совершенно невозможно. Они зажали меня со всех сторон, и, хочешь не хочешь, мне пришлось идти с ними.

Почти полмили они несли меня так, затем, оставив улицу, по которой шли до этого, они резко свернули направо и остановились перед домом средних размеров с двойным фасадом, стоявшим на углу. Гадая, что все это значит, я окликнул парня, стоявшего рядом: — Дьяволы! — крикнул он, поднял камень и швырнул в ближайшее окно.

Дом, как я вскоре понял, был жилищем миссионера, который, к моему облегчению, отсутствовал. Видя, что толпа намерена разнести его жилище в щепки, я оставил их за этим занятием и пошел дальше. Но хотя я этого еще не знал, меня ждало еще одно приключение.

Повернув из той улицы, куда я свернул от толпы, я услышал пронзительный крик о помощи. Я тут же замер, чтобы понять, откуда он донесся. Ждать пришлось недолго: он раздался снова. На этот раз он без сомнения шел из темного переулка справа. Не раздумывая ни секунды, я подобрал полы и бросился туда. Сначала было так темно, что я ничего не видел; затем в дальнем конце я различил три фигуры и направился к ним. Подойдя, я увидел, что одна — девушка, вторая — старик, лежащий на земле; оба были англичанами, но их противник — активный молодой парень из кули. Он стоял над телом старика, угрожая девушке ножом. Мои сандалии не издавали шума на дороге, и, так как я зашел со стороны тени, ни один из троицы не заметил моего присутствия, пока я не подошел вплотную. Но как бы быстр я ни был, я едва успел: в тот момент, когда я прибыл, девушка бросилась на парня, который в ту же секунду занес руку и вонзил нож ей в плечо. Клинок не успел войти глубоко, как мой кулак врезался ему в лицо. Он рухнул, как кегля, и на мгновение замер на земле без движения. Но лежал он недолго. Придя в себя, он вскочил на ноги и рванул по улице, вопя "Дьяволы! Дьяволы!" во весь голос в надежде привести толпу на помощь.

Прежде чем он скрылся из виду, я уже стоял на коленях рядом с девушкой на земле. Она была без сознания. Лицо мертвенно-бледное, и я увидел, что ее левое плечо залито кровью. От нее я перевел взгляд на старика. Это был видный старик, довольно хорошо одетый, с благородной седой бородой. Он лежал вытянувшись во весь рост, и одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять его участь. Как это было сделано — я не знал, но факт оставался фактом: он был мертв. Убедившись в этом, я вернулся к девушке. Глаза ее были открыты, и, когда я склонился над ней, она спросила: — Что случилось?

— Вы ранены, — ответил я.

— А мой отец?

— Мне жаль говорить это, но он мертв.

С этим она издала тихий вскрик и на мгновение снова потеряла сознание. Я не стал ждать, пока она придет в себя, а пошел к старику, поднял тело на руки и перенес через улицу в темный угол. Положив его там, я вернулся к девушке, поднял ее на плечо и побежал по улице в ту сторону, откуда пришел, так быстро, как только мог. Вдалеке я слышал шум толпы, которая все еще громила жилище несчастного миссионера.

Добравшись до места, где я стоял, когда впервые услышал крик, я подхватил прежний курс и двинулся к своей цели. Меньше чем через десять минут я был у дома и постучал в дверь — тем же особым образом. Она тут же открылась. Как только я назвал пароль, меня впустили

вместе с моей ношей. Если привратник и подумал что-то, он не подал виду, а позволил мне дойти до второй двери беспрепятственно.

Снова я постучал, и дверь снова открылась. Но на этот раз меня не пропустили просто так. Хотя я назвал пароль правильно, гигант велел мне подождать, пока он рассмотрит груз у меня в руках.

— Что у тебя там? — спросил он.

— А тебе какое дело? — сказал я. — Отойди в сторону, или найдутся те, кто заставит тебя заплатить за то, что ты меня задерживаешь.

Он слегка опешил, и после секундного колебания махнул мне проходить. Я прошел в комнату, где оставил своего начальника. Было видно, что Никола меня ждет — он был рад моему появлению, судя по тому удовольствию, которое ему доставил мой вид. Но в ту же секунду, как я вошел, он закрыл за мной дверь. — Ты опоздал, — воскликнул он, быстро подходя ко мне, и в ту же секунду закрыл за мной дверь. — Я жду тебя уже час. Но что это у тебя?

— Девушка, — ответил я, — дочь миссионера, я полагаю. Она ранена, и сейчас без сознания. Если бы я ее не нашел, ее бы убил тот же человек, что убил ее отца.

— Но какого черта ты притащил ее сюда?

— А что мне оставалось? Ее отец мертв, и я полагаю, толпа разнесла их дом?

— Положи ее, — сказал Никола, — и дай мне посмотреть на рану.

Я сделал, как он велел, и тогда он принялся осматривать ее рану. С необычайной ловкостью и нежностью, которой я в нем и не подозревал, он промыл рану водой, которую я принес из соседней комнаты, затем смазал ее какой-то мазью из маленького походного саквояжа, который всегда носил с собой, и перевязал куском китайской ткани. Закончив, он сказал: — Подними ее, пока я попробую это на ней.

Из кармана он достал маленький граненый флакон, похожий на тот, что европейские дамы носят с нюхательной солью, и, открыв ей рот, капнул пару капель на язык. Она почти мгновенно открыла глаза, огляделась и, увидев, как она думала, двух китайцев, склонившихся над ней, отпрянула с выражением животного ужаса на лице. Но Никола, все еще стоявший на коленях рядом, успокоил ее, сказав по-английски: — Вам нечего бояться. Вы в безопасности. Мы защитим вас, что бы ни случилось.

Его речь, кажется, вернула ей память о случившемся. — О, мой бедный отец! — воскликнула она. — Что вы с ним сделали?

— Чтобы спасти вашу жизнь, — ответил я, — я был вынужден оставить его тело на улице, где нашел, но оно в полной безопасности.

— Я должна пойти и забрать его, — сказала она. И, сказав это, она попыталась встать, но Никола положил ей руку на плечо и удержал.

— Вы не должны двигаться, — сказал он. — Оставьте все мне. Я позабочусь о том, чтобы тело вашего отца нашли и защитили.

— Но я должна идти домой.

— Бедное дитя, — мягко сказал Никола, — вы не знаете всего. У вас больше нет дома. Его разгромила толпа сегодня вечером.

— О боже! О боже! — воскликнула она. — Что же со мной будет? Они убили моего отца и разгромили наш дом! А мы так им доверяли.

Не тратя времени на дальнейшие уговоры, Никола поднялся и вышел из комнаты. Вскоре он вернулся и снова подошел к девушке. — Я послал людей найти тело вашего отца, — сказал он. — Его перенесут в безопасное место, и через полчаса английский консул будет на хвосте у его убийцы. А теперь расскажите мне, как все произошло.

— Я расскажу, что смогу, — ответила она. — Но это кажется таким малым, что привело к такому ужасному результату. Мы с отцом вышли из дома сегодня в половине восьмого, чтобы провести службу в маленькой церкви, которую построили наши немногочисленные обращен-

ные. Во время службы мне не раз казалось, что что-то не так, и когда мы вышли и увидели толпу, собравшуюся у дверей этого маленького здания, это впечатление подтвердилось. Намерены ли они были напасть на нас или нет — я не знаю, но едва мы вышли, как раздался крик, и тут же вся толпа сорвалась с места, я полагаю, в направлении нашего дома. Мы тогда этого не подозревали. Опасаясь идти в ту же сторону, мы прошли по переулку, намереваясь добраться до дома другим путем. Но как только мы свернули с главной улицы и вошли в темный переулок, где вы нас нашли, из-за угла выскочил человек и палкой или железным прутом свалил моего отца на землю. Я попыталась защитить его и отвлечь его внимание на себя, после чего он выхватил нож и ударил меня в плечо. Потом появились вы и прогнали его.

Сказав это, она подняла мою руку и поцеловала ее. — Я не знаю, как отблагодарить вас за вашу доброту, — сказала она.

— Это была очень малая услуга, — ответил я, слегка смутившись ее жестом. — Я лишь жалею, что не прибыл на место раньше.

— И что же мне теперь делать?

— Есть ли у вас друзья в Тяньцзине? — спросил Никола. — Кто-нибудь, к кому вы можете пойти?

— Нет, мы никого здесь не знаем, — ответила девушка. — Но у меня есть сестра в Пекине, жена миссионера. Вы не могли бы помочь мне добраться туда?

— Хотя я не могу взять вас с собой, — сказал Никола, — если хотите, я укажу вам путь. А пока вы не должны оставаться в моем доме. Не бойтесь, однако, я позабочусь о том, чтобы вам ничего не угрожало.

Он снова вышел из комнаты, и пока его не было, я внимательнее присмотрелся к девушке, которую спас. Ей было лет двадцать-двадцать три, лицо — идеальный овал, кожа — самая нежная, какую я только видел, рот маленький, а глаза и волосы — прекрасного каштанового оттенка. Но главным очарованием ее лица было кроткое выражение, и оно было обречено преследовать меня еще много дней.

Не могу сказать, что я дамский угодник (как-то так вышло, что я нечасто бывал в женском обществе), но должен признаться, когда я заглянул в лицо этой девушки, меня пронзила дрожь, какой я не испытывал никогда прежде.

— Как мне отблагодарить вас за вашу доброту? — просто спросила она.

— Проявив стойкость перед лицом беды, — ответил я. — А теперь могу я узнать ваше имя?

— Почему бы и нет? Меня зовут Медвин, Глэдис Мэри Медвин. А ваше?

— В этом наряде меня следовало бы звать Ма Пу, не так ли? На самом деле — Уилфред Брюс.

— Но почему вы в таком наряде?

— Об этом, к сожалению, я не могу вам сказать. Знаете, мисс Медвин, вполне возможно, что вы — последняя англичанка, с которой я когда-либо разговаривал в своей жизни.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

— Снова я могу лишь сказать, что не могу сказать. Но я могу сказать вам вот что: я ухожу через несколько часов, чтобы взяться за дело, которое скорее всего будет стоить мне жизни. Я не знаю, зачем говорю это вам, но в такие моменты нельзя быть прозаичным. К тому же мне кажется, что я знаю вас годами. Вы говорите, что я оказал вам услугу, окажете ли вы услугу мне?

— Что я могу сделать? — спросила она, кладя свою маленькую ручку мне на руку.

— Это кольцо, — сказал я, снимая с пальца простое золотое кольцо, — было последним подарком моей матери. Я не смею брать его туда, куда иду. Не будет ли слишком большой дерзостью попросить вас сохранить его для меня? В случае, если я не вернусь, вы могли бы пообещать мне носить его как маленькое напоминание о той услуге, которую, по вашим сло-

вам, я вам оказал сегодня ночью. Мне было бы приятно думать, что у меня есть хотя бы одна женщина-друг в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.